

Глава 71. Военный летний лагерь «Острие»

Дон! Дон! Дон!

Громкие удары гонга, донёсшиеся с другого конца улицы, ворвались в сонную тишину заурядного дня, привнеся с собой суету. Толпа зевак, падких на зрелища, тут же потянулась к источнику шума.

Там, где улица заканчивалась, возвышалась сцена. Обычно в этом месте на Новый год богачи уезда устраивали представления для простого люда, нанимая оперные труппы. Но сейчас ни праздников, ни Нового года не было. Кто же решил устроить представление? Подойдя ближе, люди увидели нескольких крепких мужчин, которые либо сидели, либо стояли на подмостках в ожидании. На актёров они походили мало — все как на подбор коренастые и мускулистые, даже на роль воинов в опере не сгодились бы.

— Уж не бродячие ли артисты? — прищурившись, предположил какой-то старик, долго их разглядывавший.

— Не похоже, — покачал головой мужчина средних лет, стоявший рядом. — Ни реквизита при них, ни обезьянки на поводке. Одними кулаками на жизнь не заработаешь.

Увидев, что собралось достаточно народу, один из мужчин на сцене снова ударил в гонг. Резкий звук заставил толпу мгновенно умолкнуть.

— Приветствую вас, почтенные отцы и братья, — начал говорить Ху Цзюнь. Прошлой ночью он проиграл в жеребьёвке, и теперь ему выпала незавидная доля быть оратором. — Возможно, некоторым из вас наши лица покажутся знакомыми. И вы не ошибётесь. Последние несколько дней мы установили пункты набора у всех четырёх ворот уезда Юаньшань. Мы здесь, чтобы набрать отряд отборных солдат для провинции Сицзян.

— Вербовщики? Пошли отсюда.

Толпа зашевелилась, люди начали расходиться, опасаясь, что если замешкаются, их схватят и силой заташат в армию.

— Эй, эй, не спешите уходить! Я ещё не закончил! — повысил тот голос, чтобы перекрыть шум. — Можете не волноваться, набор в этот раз сугубо добровольный, мы никого не станем принуждать. Мы уже уведомили обо всём уездного начальника, нашего «батюшку-чиновника». Если бы мы замыслили что-то дурное, он бы не позволил обижать простой люд!

При упоминании уездного начальника Яна толпа одобрительно загудела. Страх поутих, уступая место любопытству. Люди остановились и снова окружили сцену.

— Как говорится, на гору опереться — гора обрушится, на человека положиться — человек сбежит. В трудный час можно рассчитывать только на себя. Сейчас в городе спокойно, и за это мы должны благодарить нашего «батюшку-чиновника», который мудро правит уездом. Но стоит вам выйти за городские стены, как в лесах и у рек становится уже не так безопасно.

Первые две фразы были из арсенала торговца средствами от волков, и Чу Цы научил им солдат, чтобы те могли «обрабатывать» простодушных жителей Юаньшаня.

Он сделал паузу, оценивая реакцию толпы. Некоторые слушатели задумчиво опустили головы, на лицах других отразилась тревога. Оратор продолжил:

— Есть и другая поговорка: не бойся беды, а бойся её внезапности. Не можем же мы всю жизнь просидеть в городе, верно? Рано или поздно придётся выйти за ворота. Рано или поздно каждый может оказаться один. И что тогда делать, если столкнёшься с разбойниками? А? Что тогда? — Ху Цзюнь вошёл в раж, то и дело ударяя тыльной стороной правой ладони по левой. Он сокрушённо вздыхал, будто и впрямь переживал за их судьбу. — Не поймите меня неправильно, я не хочу унижить жителей уезда Юаньшань, но телосложением вы, прямо скажем, не блещете. Попадись вы разбойникам, те и трёх приёмов не потратят, скрутят вас, словно цыплят, и прижмут к земле, даже шанса на сопротивление не дадут.

Эти слова задели толпу за живое. Этот наглец говорит так, будто они не мужчины, а слабаки! Как он смеет?

Тут же из толпы раздался возмущённый крик:

— Эй ты, на сцене! Не смей нас недооценивать! Таких, как ты, я один троих уложу!

— Точно, Чжун Лаосань! Молодец! — закричали вокруг. Говоривший был местным мясником, в чьих руках стокилограммовая свинья становилась послушной, как кошка.

— Ого, а этот господин, похоже, не согласен, — усмехнулся Ху Цзюнь. — Что ж, давайте так: поднимитесь на сцену и сразитесь с моим братом. Его, кстати, тоже зовут Чжун, он ваш однофамилец. Если вы продержитесь три приёма, мы, братья, принесём всем извинения и угостим вас выпивкой. Как вам такое предложение?

Мясник прикинул: даже когда он дрался с местными хулиганами, бывало, что и побеждал. Неужели он не сможет продержаться всего три приёма?

Он решительно согласился, вызвав одобрительный гул толпы. Все надеялись, что он покажет этим заезжим воякам и отстоит честь мужчин Юаньшаня.

Солдаты расступились, освобождая центр сцены для Чжун Бао и Чжун Лаосаня. Последний оглядел своего противника. Широкоплечий, пышущий грозной силой, тот внушал невольный

страх. Но тут же мясник успокоил себя: ему ведь не нужно побеждать, всего лишь продержаться три раунда. Чего бояться?

— Ну, давай, нападай! — вызывающе бросил он, принимая защитную стойку.

Чжун Бао медлить не стал. Тысячник ясно дал понять: кто проиграет, из того месячного жалованья и вычтут деньги на угощение.

Он сделал пару обманных движений, от которых мясник увернулся. Толпа облегчённо выдохнула: похоже, сегодня их ждёт бесплатная выпивка.

Но не успели они и глазом моргнуть, как Чжун Лаосань уже барахтался на полу, тщетно пытаясь подняться. Картина и впрямь напоминала то, как хозяйка ловит курицу во дворе.

Большинство зрителей даже не поняли, что произошло. Те, кто был повнимательнее, принялись объяснять: Чжун Бао сперва сделал подсечку правой ногой, сбив противника с ног, затем одним шагом оказался рядом, коленом прижал его к полу и, скрутив руки за спиной, завёл их за голову, полностью лишив возможности двигаться. Всё это произошло за несколько вдохов, плавно и стремительно.

— Прошу прощения, — бросил Чжун Бао и отпустил мужчину. Тот, так ничего и не поняв, вскочил на ноги с недовольным видом, уверенный, что проиграл лишь из-за собственной оплошности.

— Если ты не согласен, можешь выбрать любого из наших братьев на сцене, — с лёгкой улыбкой предложил Ху Цзюнь. — Условия те же: продержишься три приёма — мы извиняемся.

Взгляд мясника скользнул по солдатам и остановился на Коу Цзине, сидевшем во главе. Тот не выглядел таким же мускулистым, как остальные, и Чжун Лаосань решил, что с ним будет легче справиться. К тому же, сидящий во главе обычно начальник. А какой из начальника боец? Только и умеют, что посылать других на смерть.

— Я могу выбрать его? — спросил мясник, указывая на Коу Цзина.

Солдаты на сцене замерли. Зачем этому парню искать смерти? Мог бы ведь уйти с достоинством.

— Вы уверены? — с трудом выговорил Ху Цзюнь, давая ему последний шанс одуматься.

Но тот неверно истолковал его слова.

— Я выбираю его. Разве ты не сказал, что я могу выбрать любого?

— Можешь, — раздался голос Коу Цзина. Он поднялся и пошёл навстречу противнику.

На этот раз мясник решил атаковать первым, чтобы не повторить прошлой ошибки. Он пригнулся, выставил руки вперёд и бросился на Коу Цзина, намереваясь схватить его за пояс и повалить на землю.

В мгновение ока Коу Цзин отбил его руки, упёрся ладонями в плечи, перебросил через себя и ударом ноги в спину отправил в полёт. Чжун Лаосань растянулся носом в грязи. Коу Цзин повторил манёвр Чжун Бао, и сцена с ловлей курицы повторилась вновь.

На этот раз хватило одного приёма.

Толпа разразилась произвольными аплодисментами. По сравнению с этими воинами, бродячие артисты действительно выглядели как плясуны с цветастыми кулаками.

— Я, Чжун Лаосань, признаю поражение! — поднявшись на ноги, без обиняков заявил мясник. Его прямота вызвала уважение как у солдат на сцене, так и у зрителей внизу. Настоящий мужчина!

— Как вы все видели, наши братья куда милосерднее разбойников, — продолжил Ху Цзюнь, когда Чжун Лаосань сошёл со сцены. Он покачивал головой, явно войдя во вкус публичных выступлений.

— В следующий раз, если понадобится кого-то вербовать, пусть он и идёт, — шептались между собой солдаты.

Увидев озабоченность на лицах людей, оратор сменил тон:

— Но не стоит отчаиваться! Сегодня мы здесь как раз для того, чтобы предложить вам решение.

— Небось, хотите заманить нас в солдаты?

— Что вы такое говорите! Вербовка — это, конечно, одна из наших целей. Но главная наша задача — научить вас основам самообороны. Чтобы при встрече с разбойниками у вас был хотя бы шанс дать отпор. А если не получится — так хоть убежать успеете, — наконец-то выпалил Ху Цзюнь то, что они обсуждали вчера.

Накануне, после ухода от учителя Сюя, Чу Цы заглянул к солдатам, так как было ещё рано. Увидев, что их совещание зашло в тупик, он, вдохновлённый внезапной идеей, подсказал им план. Суть его сводилась к одному: сначала взрастить в людях чувство коллективной гордости, а затем подвести их к великой миссии — добровольно пойти в армию и служить на благо страны.

Бедные учатся грамоте, богатые — боевым искусствам.

Простые люди едва могли позволить себе книги, откуда у них деньги на наставника по боевым искусствам? Услышав о тренировках, кто-то из толпы тут же спросил:

— А сколько составит Шу Сю?

— Бесплатно! Абсолютно бесплатно! Все мужчины в возрасте от шестнадцати до сорока лет могут записаться в наш семидневный тренировочный лагерь. Семь дней, которые изменят вашу жизнь! Но есть одно условие: записавшись, вы не сможете уйти до окончания курса. Через семь дней — воля ваша, оставаться или уходить.

Неизвестно, что подействовало больше — слово «бесплатно» или желание стать сильнее, но желающих записаться оказалось на удивление много. Подходили даже старики, чтобы записать своих сыновей и внуков.

Не так давно в уезде вывесили новое объявление: купец, следовавший между уездами Юаньшань и Фуян, был убит вместе со своими пятью спутниками, а все товары разграблены.

В мирное время разбойники бывают даже безжалостнее, чем в смуту. В смутные времена многие становятся преступниками от безысходности, и в их сердцах ещё остаётся капля совести: они грабят, но редко убивают. Но те, кто становится бандитом в мирное время, — это люди с каменным сердцем. Те, кто их видел, редко остаются в живых.

Поскольку преступников ещё не поймали, многие решили, что лучше уж отправить своих детей поучиться приёмам самообороны. Лишний шанс на спасение не повредит — может, удастся продержаться до прихода помощи.

Очередь росла. Ху Цзюнь и его товарищи хоть и умели читать, но писали медленно, а в спешке и вовсе мазали иероглифы, только зря переводя бумагу. В конце концов, Коу Цзин сам сел за стол и принялся записывать имена, возраст и место происхождения новобранцев.

На каждого человека уходило немало времени. Люди всё прибывали, приводя с собой родных и знакомых. Тысячнику грозила опасность быть погребённым под нахлынувшей толпой, и солдаты, бессильные помочь, могли лишь с тревогой наблюдать, как вдруг раздался ясный голос:

— Ого, сколько желающих записаться!

— Сючай Чу, наконец-то ты пришёл! Скорее, садись, помоги нам с записью! — Ван Цюань с заискивающей улыбкой принял у Чу Цы из рук книги и тут же сунул ему кисть.

Что ж, раз пришёл, надо помогать. Чу Цы невозмутимо взял кисть и сел рядом с Коу Цзином,

мгновенно перехватив на себя половину очереди.

Коу Цзин обернулся и благодарно улыбнулся. Сюцай Чу ответил ему такой же улыбкой. Обменявшись этим безмолвным приветствием, они оба, словно сговорившись, вновь склонились над бумагами.

Тренировочный лагерь «Острие» расположился за городом, на территории загородной усадьбы семьи Коу.

Управляющий Сюй, который вчера тоже присутствовал на совещании, с самого утра привёз людей для обустройства. За главным двором новой усадьбы простирался большой пустырь, ещё не распаханый. Он идеально подходил для военного полигона, нужно было лишь немного его выровнять.

В заднем дворе десятки плотников корпели над чертежами, а их подмастерья без усталости строгали доски, создавая странные, невиданные ранее приспособления.

Часть чертежей была скопирована с устройств в военных лагерях, а несколько добавил сам Чу Цы. Он сам дважды бывал в военных летних лагерях, а позже несколько раз возил туда учеников, поэтому хорошо разбирался в подобных вещах. Он нарисовал всё, что можно было успеть смастерить за несколько дней.

<http://bllate.org/book/15354/1436679>